

Ошибаются те, кто думает,
что Рай и Ад ждут нас после смерти;
они с нами в каждый момент
этой жизни.

АНХЕЛЬ ДЕ КУАТЬЕ,
«ЯБЛОКО ЕВЫ»

Аделина

Сентябрь

Самое неприятное по утрам — просыпаться не от звонка будильника, а от назойливого жужжания мобильного телефона на тумбочке. Человек, звонящий в половине седьмого утра, похоже, не отдает себе отчета в том, что своим звонком может выбить меня из колеи на весь день, а то и на всю неделю, если дело происходит в понедельник. Так уж я устроена — телефонные звонки никогда ничего хорошего в мою жизнь не приносили.

— Аделина, да возьми ты уже чертову трубку, — простонал рядом муж, пряча голову под подушку. — У меня библиотечный день сегодня, надеялся выспаться...

— Прости... — Я с неохотой выбралась из-под одеяла и, прихватив телефон, вышла в кухню.

Звонил отец. Отец, пропавший из моей жизни так давно, что я уже и обижаться перестала, не общавшийся теперь со мной по два-три месяца, нашел время для задушевного разговора. Понедель-

МАРИНА КРАМЕР

ник, шесть тридцать утра. Ну что же, сделаем вид, что я рада его слышать...

— Алло, — включая плиту и снимая с полки банку кофейных зерен, проговорила я в трубку.

— Деля, прости, что так рано, — в голосе отца слышались виноватые нотки, и это было странно, — но мне необходима твоя помощь.

— Помощь? Тебе? В Швейцарии закончились пластические хирурги?

— Не в этом дело.

— А в чем? — сразу насторожилась я, потому что вторым человеком, кому могла понадобиться моя помощь, был брат Николенька, третий год живший у отца.

— Есть одна девушка... словом, ей нужно какое-то время побыть там, где ее никто не найдет, так сложились обстоятельства. Пока оформляются документы на выезд, ей необходимо убежище, и я подумал, что твоя клиника...

— Отец, моя клиника — не перевалочный пункт для мигрантов.

— Может быть, ты сперва дослушаешь? От тебя ничего не требуется, я оплачу каждый день ее пребывания по максимальному тарифу.

— Дело не в деньгах. Есть такое понятие, как репутация.

— Тебе беспокоиться не о чем. Никакого криминала, я бы ни за что тебя не втянул во что-то противоправное. Я прошу тебя просто помочь человеку, оказавшемуся в тяжелой ситуации. У тебя

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

наверняка есть хорошие психологи, я бы оплатил работу с ними, это необходимо.

— А я могу задать тебе вопрос?

— Конечно.

— Кем тебе приходится эта девушка?

Не знаю, как вообще у меня это вырвалось, почему при упоминании о какой-то незнакомке у меня внутри все заныло от неприятного предчувствия. И, задав вопрос, я вдруг поняла, что уже не хочу слышать ответ.

— Она дочь моего друга, — произнес отец, и я даже испытала разочарование, поняв, что ошиблась. Мне почему-то показалось, что речь пойдет о какой-нибудь его внебрачной дочери. — Аделина, я очень тебя прошу... — Тон отца вдруг изменился на почти умоляющий, и это было даже слегка неловко — мой отец владел крупной фирмой, работал на международном уровне и никогда ни о чем никого не просил. — Я должен ее выручить, но сделать это могу только с твоей помощью.

— Я поняла. Пусть приезжает, дай ей мой номер.

— Спасибо, дочь.

Хорошо, что в этот момент он не мог видеть выражение моего лица. Дочь...

— Кто это звонил в такую рань? — пробормотал сонно Матвей, сбрасывая с головы подушку.

— Отец.

МАРИНА КРАМЕР

— Да? — Мгновенно стряхнув остатки сна, муж сел в постели и посмотрел на меня внимательно. — И о чем речь?

— Сама не поняла, — призналась я со вздохом и завалилась на кровать, по-прежнему сжимая в руке телефон. — Но чувствую, что согласилась на какую-то аферу.

— Чего он хотел?

— Чтобы в моей клинике дождалась получения документов на выезд за границу какая-то дочь его друга. Понятия, кстати, не имею, о ком речь.

— А у тебя теперь отель со всеми удобствами?

— Вот я тоже об этом спросила, но отец вдруг начал говорить умоляющим тоном, и я... ну, понимаешь... короче, сломалась. Он меня никогда ни о чем не просил, хотя сам очень помог — помнишь?

— И ты решила, что обязана рассчитаться?

Я повернулась на правый бок, подперла голову кулаком и посмотрела на Матвея:

— Ты не одобряешь?

— Можно подумать, что-то изменится от моего неодобрения. Ты ведь уже приняла решение.

— Скажем так — я не отказала. Да и что может случиться, если одну палату займет какая-то девушка? Не обеднею.

И, словно в ответ на мои слова, телефон пискнул оповещением о пришедшем сообщении. Оно оказалось от отца, и текст гласил: «Мы не обго-

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

ворили расходы. Не волнуйся, я все оплачу по банковским реквизитам, они у меня есть. Хорошего дня, Аделина». Я молча протянула телефон Матвею, тот прочитал и покачал головой:

— Не нравится мне это.

— Ты просто отца моего не знаешь.

— И что — он великий филантроп и благотворитель?

— Матвей, не смешно.

— Да я и не смеюсь. Ты столько раз рассказывала, что он спокойно оставил вас с матерью, исчез на долгие годы, а теперь убеждаешь меня в том, что его хобби — помогать попавшим в беду девушкам? Мягко говоря, странно.

Я вздохнула. Матвей был прав, а я просто подсознательно пыталась защитить отца — все-таки кровь, что ни говори, вещь сильная. Уж не знаю, что там за друг был и чем мой отец ему обязан, раз решил помочь его дочери, но мне почему-то хотелось, чтобы в отце было что-то... человеческое, что ли. В конце концов, ведь он помог мне в свое время, когда я уже почти потеряла клинику, разобрался и с кредиторами, и с шантажистами. Правда, мне всегда потом казалось, что сделал он это с единственной целью — чтобы на старости лет не мучила совесть за то, что в нашем с братом детстве его не было. Но Николенька, периодически баловавший меня телефонными звонками и длинными, подробными письмами, утверждал, что отношения с отцом у него сложились самые

МАРИНА КРАМЕР

что ни на есть родственные. Они вместе ездили на рыбалку, отмечали праздники — словом, вели себя как отец и сын, которые никогда и не расставались. Наверное, Николенька был слишком мал, чтобы ощутить тот вкус предательства, что ощутила я, когда отец ушел.

— Ладно, разберемся, — пробормотала я и села. — Пойду собираться, сегодня операционный день.

— В понедельник? — удивился муж. — Что вдруг?

— Так получилось. В ночь привезли кого-то из городской больницы, нужна сложная восстановительная операция.

— Вернешься поздно?

— Как пойдет.

— Тогда с меня ужин?

— Как хочешь, Матвей. Будет настроение — готовь, нет — обойдемся тем, что есть. — Я поцеловала мужа в щеку и отправилась в душ.

Надежда

Август

Это ужасное ощущение беспомощности, когда утром, открыв глаза, думаешь не о том, чем бы заняться, а о том, куда бы спрятаться и переждать еще один день. Так, наверное, чувствуют себя преступники, понимая, что розыск объявлен. Но я-то

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

ничего не совершила, я вообще ни при чем и до последнего не знала, что происходит. Жила себе, училась, работала, ходила с подругами в парк, в кино, покупала какие-то вещи, любила томатный сок и очень сладкий чай и даже представить себе не могла, что вся эта беззаботная жизнь закончится в одну секунду. Ровно в тот момент, когда моя мама шагнет с тротуара прямо под колеса грузовика.

Но я не подозревала, что смерть и похороны далеко не самое страшное. Самое страшное — это ощущение постоянной загнанности, опасности и тревоги, и абсолютная беспомощность. Я осталась один на один с такими проблемами, что смерть иногда виделась мне лучшим и легчайшим выходом. Как, видимо, показалось и маме, потому она и сделала этот страшный выбор. Иногда к ночи, поняв, что сегодня все еще жива, цела и невредима, я с ожесточением думала о том, что мама поступила очень эгоистично. Она избавила от проблем себя, но совершенно не задумалась обо мне, о том, что весь этот ком покатится в мою сторону. И кто знает, в какой момент я устану убежать или буду бежать медленнее, чем требуется.

Завибрировал мобильный — я давно уже перестала включать звук, потому что всякий раз вздрагивала всем телом от раздававшейся мелодии. Я вытянула руку из-под одеяла и взяла телефон, зажмурилась на секунду, решая, смотреть ли на

МАРИНА КРАМЕР

экран или сразу сбросить звонок, но потом, открыв один глаз, увидела, что звонит Света. Подруга осталась единственным человеком, с которым я теперь общалась и на чьи звонки непременно отвечала, иначе мнительная Светка тут же примчалась бы из любого конца города, бросив все дела.

— Алло, — хриплым от сна голосом проговорила я.

— Надюшка, привет. Ты что, спишь еще?

— А что мне делать еще? Во сне время быстрее проходит.

— Никуда не собираешься?

— Нет.

Сама мысль о необходимости выйти из квартиры казалась мне настолько ужасной, что даже мурашки побежали по спине. Дом виделся мне относительно безопасным местом хотя бы потому, что выламывать дверь никто не станет — соседи тут же в полицию позвонят, а вот на улице может случиться что угодно.

— Тогда я к вечеру приеду, привезу продукты, у тебя наверняка в холодильникемышь повесилась. Есть пожелания?

Пожеланий у меня не было, как, собственно, не было и денег на продукты. Зарплата еще не скоро, снова залезать в крошечную заначку не хотелось, да и для этого нужно было пойти в банк и поменять доллары на рубли, поэтому я решила пока продержаться на том, что еще осталось в доме —

РЕАНИМАЦИЯ СУДЬБЫ

какие-то крупы, макароны, замороженные с прошлого лета овощи и ягоды.

Поняв причину моего молчания, Света решительно заявила:

— Надюшка, прекрати ломаться. Я предлагаю тебе помощь, а ты постоянно ее отвергаешь. Что, если бы я оказалась в трудной ситуации, ты не могла бы?

— Помогла бы... — промямлила я пристыженно.

— Вот! А представь, что я всякий раз бы строила из себя непонятно кого и отказывалась — ты бы что почувствовала? — Я промолчала, и Светка торжествующе закончила: — Вот и веди себя прилично. Короче, буду около семи, позвоню прямо от подъезда. Целую, до вечера.

Она сбросила звонок, а я швырнула телефон на кровать и заплакала. Какое счастье, что у меня есть Светка... Не будь ее, даже не знаю, что бы я вообще делала. Это Светка поддержала меня после смерти мамы, помогла организовать похороны. Это у нее и ее мамы я жила неделю после них. Это Светка и ее мама-инвалид поддерживали меня, как могли.

Илана Григорьевна вообще стала чем-то вроде эталона стойкости, и всякий раз, когда мне хотелось опустить руки и перестать сопротивляться, я вспоминала ее хрупкую фигурку в инвалидном кресле и понимала — да ведь это же стыдно, имея две ноги и две руки, ныть и жалеть себя, когда молодая женщина, не имеющая возможности пе-